

Полтавская победа Отрывок из романа

От редакции. Олег Кудрин — журналист и писатель, одессит, живет в Москве. Автор нескольких книг. Предлагаем нашим читателям отрывок из его нового романа "Полтавская победа". По жанру — это антиутопия, в которой автор размышляет над тем, что могло бы стать с нашей бывшей общей страной и с нами, если бы... Если бы СССР преобразовался в Русь Посполитую (Русь Народную) со столицей в Киеве, а правил бы ею И.В. Сталько. Русины-украинцы в романе живут на территории от Дуная до Амура. Действие длится с 1935 по 1958 год и развивается в Москве, Киеве, Полтаве. Москва у Кудрина — столица Московитской ПСР. По замыслу автора, привычные реалии и понятия поменялись местами.

Главный герой романа — московский мальчик Петя Михайловко, родившийся в 1938 году. На всю жизнь у него один главный друг — Жига, одна главная любовь — Марта.

Богдану-Ивану, моему русско-украинскому сыну

Слова "Россия", "русский" были не так чтобы совсем запретные. Скорее — нежелательные, плохие, устаревшие. Ну, вроде "императора", "фрейлины", "чернеца". Только много, много хуже. Но для Пети Михайловко именно они были самыми притягательными. Вот произнесешь их, пусть даже мысленно, и сердце сначала замрет сладко, а потом забьется быстро-быстро, как боевой барабан. И песни вспоминаются. Истинно московитские — тягучие, раздольные. Одновременно и мужественные, и жалостливые. Их прадедушка пел. Ефрем Николаевич. Прадедушка был старый, очень старый. Настоящий осколок старого мира. Того, что "до основания, а затем". Только старый мир совсем закончился, а дедушка был еще ого-го.

Петя рано понял свое московитство. И также рано понял — как это неудобно быть московитом.

Получилось это так. Он играл во дворе со взрослыми ребятами, лет по девять-десять. Трудно даже было определить, в чем эта игра заключалась. Они бегали, толкались и кричали что-то невнятное, вроде бе-бе, ме-ме, му-му. Потом кто-то сказал: "Язык говняжий. Дярёвня!". Хорошо так сказал — смешно и смачно: "го-о-овня-а-ажий", "дя-а-арё-о-овня-а", вытягивая вслед за раздольным "о" резкое "а".

А это выражение, привычное в своей востребованности, удачно легло на бессмысленную игру. Все кричали наперебой, передразнивая друг друга. А скорей даже не друг друга, а именно ту самую тупую московитскую "дярёвню", общающуюся исключительно на "языке говняжем" и культурной русинской речи совсем не знающей. Так игра обрела смысл и получилась она веселой, радостной, бурной.

Стемнело быстро и незаметно. Петю позвали домой и оставили его на кухне наедине с тазиком горячей воды. А родителю ушли в красную комнату, где радиотарелка, слушать *КХАТовську виставу "Садка вишневого" Антона Чоха**.

Петя же никак не мог выйти из своей игры. И весело плескаясь в горячей воде (пожалуй, даже слишком горячей, это мама перестаралась, лучше бы чуть попрохладней), приговаривал со смехом: "Язык го-о-овня-а-ажий. Дя-а-арё-о-овня-а!". Неожиданно на кухню зашел Ефрем Николаевич. А ему с его весом и походкой трудно было делать что бы то ни было неожиданно. Но тут получилось. Да, он зашел неожиданно и залепил Пете крепкую затрещину. "За что? — спросил Петя обиженно и добавил уже привычное: — Дярёвня!" И прадед дал еще одну затрещину — болеее прежней. Петя разревелся. Из красной комнаты прибежала мама.

Мама прибежала из красной комнаты и чуть не набросилась на прадеда с кулаками. Петя обрадовался — вот сейчас дед получит за свою непонятную жестокость. Но радость его была недолгой. Ефрем Николаевич что-то прошептал маме на ухо. Лицо ее изменилось. И она... Навероятно — она тоже занесла руку для затрещины, третьей уже за какую-то минуту. Как же так, за что?.. Петя вжался в тазик. Вид его при этом был такой беззащитный и беспомощный, что мама не решилась ударить. Безвольно опустила руку на голову. И даже погладила его, ероща волосы.

— У-у, — сказал прадед осуждающе. — Предателя гладишь...

Мама вспыхнула:

— Он не предатель, он — ребенок. Шли бы вы, Ефрем Николаевич, в свою комнату...

Прадед резко махнул рукой и ушел, стуча по полу палочкой.

А мама домыла Петю, вытерла насухо. Как-то особенно тщательно

---

* КХАТовская постановка "Вишневого сада" Антона Чоха.

и одновременно нежно вытерла. Завернула его в это же полотенце, как раньше делала, когда он совсем маленьким был. И отнесла в кровать.

А там взбила подушку. Укрыла его одеялом. Пете сразу же захотелось спать. Должно быть, организм хотел так защититься от непонятных перепадов злости и заботливости. И вот, когда глаза его сами уже закрывались, и не было никаких сил держать их открытыми, мама наклонилась над ним. Сказала:

— Это плохие слова. Гадкие. Никогда больше не говори их.

Она не произнесла этих слов, но он понял, о чем говорит мама — про "дерёвню" и "язык говняжий".

— Почему плохие? Смешно, — сказал Петя уже сонно заплетающимся языком.

— Плохие. Гадкие, — упрямо повторила мама. — Может, и смешно. Но плохо смешно. Глупо и оскорбительно. Нельзя смеяться над родным языком. Твои родители москвиты и ты москвит...

Мама помолчала, а потом добавила:

— Москвит. Русский!

"Русский!" Неужели она так сказала? А может, показалось. Трудно сказать, ведь в следующее мгновение он уже уснул.

Жига появился чуть раньше Марты. И он был жид. Поначалу Петя этого не понял. Правду сказать, он вообще этого не понял. Трудно вот так сразу осознать, что есть жида, а есть — нет...

Они познакомились так. Утром мама привела Петю в садок, помогла переодеться и запустила в общую комнату. И он сразу заметил новенького. Новенький стоял под стеночкой и ни с кем не играл. Не потому что его обижали, сторонились. Просто не играл. Будто ему было неинтересно. Будто ему никто не нужен, кроме него самого.

Но когда в комнату зашел Петя, что-то изменилось. Почувствовали это оба. Но Петя как старожил подошел и заговорил первый:

— Ты чего?

— Ничего!

— А почему?

— Просто так!

И они засмеялись. А потом начали болтать друг с другом. Так спокойно и деловито, будто делали это года три из прожитых четырех. Ведь Жига был совсем как Петя. Совсем-совсем. Только жид, и по-москвитски говорил с сильным русинским акцентом.

(Чуть позже Петя понял, почему к Жиге тогда никто не подходил. Одет он был неправильно, *не по-робітничому**. Напротив даже — по-буржуйски: шортики, гольфики, белая рубашечка с русинским шнурочком в бусинках, повязанным вместо галстука.)

Они рассказали друг другу все-все. Петя узнал, как полностью, побольшому, по-настоящему зовут Жигу — Жигмонт Зильберович. Ему нравилось — красивое имя, звучное. Еще он узнал много о родителях нового друга. Оказалось, его отец — видатний більшовик, а дідусь — *видатний вчений, лікар-академик, со старих ще часів, дореволюційних.*** Удивительно было, что Жига так хорошо говорит на московитском. Пусть и с акцентом, но хорошо, чисто. Мама у него — московитка. И не просто московитка, а самая что ни на есть настоящая москвичка.

Жига так интересно рассказывал о своих родственниках, о большом столичном Киеве, о знаменитом университетском городе — Батурине, где работал его дедушка, что Петю даже завидки взяли. Нет, не то чтобы он не любил своих родителей или пренебрегал ими. Просто в сравнении с Жигиными рассказами они ему казались какими-то слишком уж обычными.

Придя домой, Петя поделился своими размышлениями с дедом. И снова что-то как-то не так у них получилось. Ефрем Николаевич, вместо того чтобы посочувствовать, сказать что-то мудрое, насунился и отвернулся в угол, к иконе. Пробурчал только:

— Нашел друга! Из энкистов***, небось. Жидов послушать — они всегда все самые лучшие и умные.

Слова эти услышал папа. И тут же устроил деду выволочку, обозвал его... Слово такое яркое, Петя не сразу его запомнил. "Антисемизм", кажется. Ефрем Николаевич совсем обиделся, выпроводил всех из своей комнаты. Закрылся. И судя по тому, что вечером громко пел, напился.

А потом появилась Катя! Точнее — Марта. Но он еще не знал, что Марта. Так что — все-таки Катя.

Это чудо, что она появилась. Это чудо, как она появилась. Да это просто чудо. Катя была хорошо одета. По настоящему, по-пролетарски: красная косынка, серое платье, грубые башмаки. Она сразу пошла к игрушкам

---

* Не по-рабочему.

** Выдающийся большевик, а дедушка — выдающийся ученый, врач-академик, со старых еще времен, дореволюционных.

*** Энкисты — сотрудники НК, *надзвичайної комісії*, после преобразования НК так по традиции называли и сотрудников всех последующих госполитических спецслужб.

и начала строить дом из больших кубиков, расставлять в нем столы, стулья и кровати, рассаживать и укладывать по ним кукол и зверей.

И никто ей не помешал. Никто не объяснил, что чужакам и новичкам нельзя все вот так вот сразу. Все тут же начали играть в доме, ею построенном. И все почему-то захотели заговорить с ней, познакомиться. Познакомиться — получилось, а заговорить — нет. Девочка только представлялась: "Катя". И всё — ни с кем дальше не разговаривала. Нет, не совсем правильно. Она словами не разговаривала, но все говорила глазами. И — удивительное дело — даже так, не по-настоящему, общаться с ней было удивительно интересно...

Однажды Катя улучила момент — подошла к нему так, чтобы никто не видел (все, конечно, видели, но сделали вид, что не видели).

Да, Катя подошла и прошептала на ухо, касаясь губами уха:

— Я не Катя. Я — Марта!

И ушла.

Почему она это сказала? Зачем? Неужели опять хитрит, привлекая его к себе? А что если сейчас сказать всем, указывая для верности пальцем, — она не Катя! Она Марта! И пусть себе дальше хитрит.

Но Петя посмотрел на нее, поймал ее взгляд. И понял, что теперь она не хитрит. Она и вправду сказала ему свою самую великую тайну.

А осенью в садку был торжественный утренник. Великий Сталько опять разоблачил планы империалистов. Злобные буржуазные демократии хотели столкнуть лбами могучую Русь Посполитую и Третий Рике. Но вождь, хёвдинг Третьего Рике Адольфус Хитлерссон, защищая свою страну и свой народ, нанес упреждающий удар по уродливой панской Польше. *Могутня Червона Армія* не может спокойно смотреть, как безответственные польские паны оставили на произвол судьбы братское русинское население Новгородчины. И конечно же, пошла вызвать его.

Соломія Орестівна сказала, что в честь этого великого освободительного похода они подготовят *виставу "Армія — визволительниця"*. Роли начали распределять тут же. Все были в радостном возбуждении от общего хорошего дела. И только Жига все испортил. Он отказался играть киоскера, продающего свежий номер "*Правди*", рассказывающий о походе.

И это было очень обидно, потому что Жига с его очками как никто подходил на роль киоскера. Он долго не объяснял, почему не хочет играть эту роль. Но все же признался. Жига показал на первую страницу "*Прав-*

ди", на портрет Хитлерссона, бывший в самом ее низу, и сказал, что не может "продавать" газету с фотографией фашиста.

Соломія Орестівна ответила не сразу. Но зато когда заговорила, то говорила очень весомо, как-то *важко*. Она сказала, что как *справжня більшовичка* и немного даже жидовка в какой-то степени может понять Жигу. Но только в какой-то степени. Конечно, вождь Третьего Рике Адольфус Хитлерссон не во всем прав и во многом ошибается. Это естественно. Если бы он был во всем прав и никогда не ошибался, то он был бы русинским коммунистом, а не шведским фашистом. Да, он ошибается и неоправданно плохо говорит о жидах. Это у него такая средневековая отрыжка. Но нужно быть выше этого. Социальное нужно ставить выше национального. Честная, прямая, во многом социалистическая политика Хитлерссона сегодня нам намного ближе коварства и интриг лживых буржуазных демократий Франции и Британии. Так считают *Всерусинська Комуністична Партія (більшовиків) та керманіч Сталько*. А ні Партія, ні, тим більше, Сталько, ошибаться не могут.

Все это она сказала так просто, так убедительно, что, несмотря на то, что многие слова были непонятны, все всё поняли. Кроме Жиги. Он сказал, что плохо себя чувствует и участвовать в *виставі* не будет. *Соломія Орестівна* велела, чтобы он пошел отдыхать в спальную комнату. А о здоровье Жиги она поговорит с его папой, *на партзборах**.

Вистава "*Армія — визволительниця*" получилась замечательная. Петя играл в ней *червоного кавалериста*. Он с упоением скакал на воображаемой лошади и лихо махал настоящей — деревянной — саблей. Представлял, как рубит на полном скаку зажавшихся *білоляхів*** и освобождает братьев-новгородцев.

Петя был счастлив.

Из садка детей забирали мамы или бабушки. После того как Петя понял, что у него любовь, *коханья****, — он просто жаждал встречи с Катинной мамой. Но увидеть ее долго не удавалось. Катю из садка забирали из всех детей последней. А иногда даже оставляли в *нічну зміну*****. Так что увидеть ее близких никак не удавалось. Но однажды Пете ужасно повезло. "Как на грех", никто из домашних забрать его не мог. А Ефрему Нико-

* На партсобрании.

** Белоляхов, белополяков.

*** Любовь; в русинском языке — именно любовь к женщине, а не к партии или родине.

**** Ночную смену.

лаевичу — не доверили. Какое счастье — *нічна зміна*. Петино сердце замерло в сладком предвкушении. Он даже не знал, какой вариант был бы наилучшим: чтобы пришла Катина мама, и он, наконец, увидел бы ее, или чтобы Катю никто не забрал, и она тоже осталась в садку на ночь. Тогда Петя мог бы всю ночь не спать, а только смотреть на нее...

Он все думал, думал, никак не мог выбрать, решить. И очень огорчился от этого. Как будто бы от его решения что-то зависело. Будто бы станет именно так, как он решит. Игра в тот день у него совсем не получалась, и даже говорить Петя не мог. То, что Катя молчала, — это нормально, это обычно. Но тут и он как язык проглотил. А два молчащих человека — это уже слишком. Тем более что у него не было таких больших говорящих, как у Кати, глаз.

Наступил вечер. Детей разных возрастов собрали в одну группу и отвели на второй этаж садка. Петя и Катя были среди всех старшими, а потому главными. Но они не пользовались своим старшинством. Они играли друг с другом: строили дома, крепости. Штурмовали их отрядами восстановленного пролетариата. А взяв, тут же обустроивали для *щасливого життя всього людства*.*

Петя понял, что именно это и есть счастье — быть рядом с Катей, работать вместе с нею, иногда касаясь пальцами руки ее пальцев. Да-да, как же хорошо, что ее не забрали, — этого, именно этого он и хотел. Но как только Петя это понял, одна из нянечек сказала, что за Катей пришли.

Он сначала очень расстроился. Однако потом сумел убедить себя, что именно этого и хотел с самого начала. Нужно только не упустить время — посмотреть на Катину маму. А сделать это было не так просто. Катю увели на первый этаж, в комнату их группы, к шкафчику. Собирать вещи. Но остальных-то детей, теперь уж наверняка остающихся *в нічну зміну*, в комнату своей группы не пускали.

Как же пробраться вниз, вслед за ушедшей Катей?! Прежде всего, не нужно показывать, что тебе туда нужно. Взрослые всегда с особым удовольствием и настойчивостью запрещают именно то, чего больше всего хочется. Поэтому Петя ушел в угол комнаты собрал много кубиков и самые большие фигурные куклы. В несколько секунд он создал видимость такой увлеченности, что на него перестали обращать внимание. А как только это произошло, Петя незаметно выскользнул в дверь. Тихонько спустился по лестнице. Ступал не по центру, а на края ступенек, — они так

---

* Счастливой жизни всего человечества.

скрипят меньше. У раздевальной комнаты встал за дверью. И в щелочку между дверью и дверным наличником стал смотреть.

Катя была мало похожа на маму. Разве что — одеждой, тоже пролетарской. Мама торопила ее, но Катя одевалась, собиралась неохотно — медленно, рассеянно.

— Катя, поторопись!

— Я — Марта!

Услыхав это, мама вздрогнула, отвела руку в сторону, как для пощечины. Но остановилась.

— Доиграешься, Катя. И меня погубишь.

— Мы договаривались, только при других — Катя. А наедине — Марта.

— Наедине!

— Но тут же никого нету.

Мама ответила как-то странно, можно сказать, грубо:

— *Це — державна установа. А в державній установі завжди хтось є!**

Ой, это же про него. Петя вжался в стенку. Как эта женщина догадалась о нем? Сердце стучало громко, во все стороны. Но, к счастью, Катина мама с Катей ушли, его не заметив. Так же незаметно Петя вернулся в общую комнату на второй этаж.

Засыпая, он думал о Кате. То есть о Марте. Она действительно Марта. На маму совсем не похожа. Но почему — то Марта, то Катя? И почему Марта только наедине с мамой?

Наедине! И не только с мамой. Но и с ним, с Петей. Она ему открылась, она ему рассказала.

Но почему Марта?

А життя ставало все краще, все веселіше.** Червона Армія помогала нашим рабочим и крестьянским братьям. Освобождала от помещиков и капиталистов одну за другой соседние страны. И вот уже сразу три страны, Молдавия, Валахия и Болгария, провели свободные выборы, собрали свои Посполитые рады и попросили принять их в состав *першої в світі соціалістичної держави**** — Руси Посполитой. Вновь принятые республики получили новые гордые имена — *Молдавська Посполита Соціалістична Республіка, Валаська Посполита Соціалістична Республіка,*

* Это государственное учреждение. А в государственном учреждении всегда кто-то есть!

** Жизнь становилась все лучше, все веселее.

*** Первой в мире социалистической страны.

Болгарська Посполита Соціалістична Республіка* со столицами в городах Яссы, Бухарест и София.

Соломія Орестівна готовила все новые и новые утренники. Петя с наслаждением играл в них любые роли, какие дадут. Но больше всего ему нравилось быть Головою вновь избранной Посполитой Рады:

– *Ясси, Ясси, це Софія! Чи ти слухаєш мене?*

– *Так, Софія, чую, чую! Де ж наш Київ – місто правди, місто свята, місто самих світлих, самих-самих щирих мрій...***

Москва

---

* Молдавская Посполитая Социалистическая Республика, Валашская Посполитая Социалистическая Республика, Болгарская Посполитая Социалистическая Республика.

** – Яссы, Яссы, я – София! Слышишь ли меня?

– Да, София, слышу, слышу! Где ж наш Киев – город правды, города праздника, город самых светлых, самых-самых сокровенных мечтаний...